
ТЕМА ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В. Н. КАРПОВА

В. И. Коцюба

Введение. Василий Николаевич Карпов (1798–1867), один из представителей сравнительно мало изученной русской духовно-академической философии, в наше время известен прежде всего как автор комментированных переводов на русский язык произведений Платона, сделанных в середине XIX в. Вместе с тем Карпов, по оценкам историков духовно-академической философии¹, является также создателем заслуживающей внимания цельной философской системы. Ещё обучаясь в Воронежской духовной семинарии и посещая лекции И. Л. Зацепина, поклонника Шеллинга, Карпов заинтересовался философией и полюбил её. В Харькове он прослушал курс лекций Иоганна Шада, последователя Фихте. В 1825 г. закончил Киевскую духовную академию, некоторое время преподавал в ней, а в 1833 г. был приглашён для преподавания философии в Санкт-Петербургскую духовную академию. По своим философским взглядам Карпов вначале был сторонником Канта, но ему не понравилась кантовская теория нравственного долга, и впоследствии более привлекла философия Платона. У Карпова мы находим продуманную и разработанную концепцию философской антропологии², сочетающую в себе, с одной стороны, понятия и положения профессиональной философии и опытной психологии, с другой — учение о человеке, характерное для отечественной православной традиции, восходящей к наследию патристики. В рамках учения о человеке Карпов неоднократно затрагивает и тему его социокультурного бытия. С этой темой также связаны интересные мысли Карпова о создании самобытной национальной русской философии.

Предмет философии и философская антропология. Предметом философии, согласно Карпову, является область метафизической реальности. Эта реальность есть царство мысли, возникающее как особый мир между познающим субъектом и объектом, на основе элементов того и другого. Область мыслимого соединяет внутреннее (субъекта) с внешним (объектом), познание — с бытием. Каждая из наук имеет в царстве мыслимого свою предметную область, отдельную группу явлений мира. Философия стремится исследовать мир как целое, как одно бытие, познать «всё как одно». Таким образом, задачей философии в отношении к другим наукам является соединение их в одну систему знания, соответствующую единству мира.

Для чего человеку требуется познание мира как целого? Цель всякой, в том числе и познавательной, деятельности, по Карпову, должна отвечать определённой потребности человеческой природы. Посредством философии человек старается отыскать «закон гармоничного бытия всей вселенной» для того, чтобы определить своё место в мироздании и таким образом найти норму гармоничного бытия для себя самого. Отсюда конечная цель философии — «определить место, значение и отношение человека в гармоничном бытии мира»³. Уже у Карпова мы находим

понимание философии, которое позднее было развёрнуто в особую науку о человеке у известного представителя духовно-академической традиции начала XX столетия В. И. Несмелова: «Что такое человек по своей природе и на что он имеет право надеяться, и чего он должен желать, и как ему следует жить, чтобы раскрыть свою человечность? ... Эти самые вопросы и действительно делают каждого человека философом»⁴. «Серьёзные люди всегда говорили о конечных вопросах мысли и жизни, ставили и решали эти вопросы и деятельно создавали философию как специальную науку о человеке». У Карпова, как и у Несмелова, основная задача философии имеет антропологическое основание.

Более того, в системе Карпова антропология оказывается ядром не только философского, но и всего человеческого знания. Знание существенных потребностей природы человека, по Карпову, призвано стать объединяющим центром, связывающим между собой знания других наук, имеющих тенденцию к обособлению. Это знание имеет также важное практическое значение для социальной и духовной жизни людей. Как полагает Карпов, философия может помочь человеку через познание своей природы оценить то, что дают ему общественные законы и религия Откровения и опознать в этом удовлетворение своих объективных потребностей.

Но философское познание значения человека в мире наталкивается на проблему. Основным препятствием в познании универсума как целого, по Карпову, является субъективизм философов, которые «приспосабливают гармонию мира к своему психическому такту». Поэтому философия с древности, уже у Сократа и Платона, также увидела свою задачу в самопознании человека с тем, чтобы познать общечеловеческую природу и не смешивать в себе своё частное с общим, чтобы избавиться от субъективизма в познании универсума.

Философское познание человека. Первое, что Карпов различает в познании человека, — его видимую и невидимую часть. С видимой стороны человек является предметом естествознания. А то начало в человеке, которое чувствует, стремится к чему-либо, познаёт, не может быть воспринято внешними чувствами. Как пишет Карпов, это начало чувствует и познаёт свой организм, но организм не чувствует и не познаёт своё начало. Оно выражает себя в сознании и может быть познаваемо только через внутренний опыт. Всё это соответствует традиционному христианскому различению в человеке телесной и духовной природы. Наука о невидимой стороне человека — психология⁵. Далее в невидимой стороне человека, в субъекте познания, желаний, чувств, Карпов различает бытие и деятельность. Законы деятельности, которыми должна руководствоваться душа человека в своих мыслях, желаниях и чувствах, изучают логика, этика и эстетика. Психология изучает бытие души. В фактах внутреннего опыта об этом бытии Карпов различает материю и формы. Материя — это существенные элементы человеческой природы в его мыслях, желаниях и чувствах. По материи все люди, как носители одной природы, одинаковы. Но каждый человек по-своему связывает эти элементы, даёт им то или иное направление, склоняет к той или иной цели и, таким образом, придаёт им ту или иную форму. Психология изучает «материю» души.

Первый элемент, изучаемый внутренним, или, как его называет Карпов, «антропологическим», опытом, — «голос сердца». Он говорит нам, что нам нравится и что нет, что прекрасно и что безобразно. Уже в ощущении прекрасного отражается для человека идея истины и добра. Более подробное объяснение этой идеи даётся при рассмотрении второго предмета внутреннего опыта — человеческих мыслей. Мышление человека — это деятельность его рассудка. Но рассудок не может производить знание из себя, он нуждается в содержании, которое черпает из двух источников: чувственных впечатлений и созерцаний (*contemplationes*) ума (*ratio*). Идеальные созерцания ума и чувственные впечатления — это пассивные состояния души. Чтобы они стали достоянием сознания, по Карпову, душе нужно перейти в активное деятельное состояние. Душа как бы направляет луч света на свои впечатления, и тогда сознание приобретает умозрения и чувственные воззрения. Таким образом, в сознании человека происходит встреча двух видов опыта. Эта мысль Карпова созвучна традиционному христианскому пониманию человека как существа, равно принадлежащего физическому и духовному миру. Именно из умозрительного опыта человек приобретает идею истины и добра. Опыт восприятия человеком идей в природе своего собственного духа даёт человеку то неизменное общее, которое становится масштабом для осмысления всего воспринимаемого внешними чувствами. Поэтому, как замечает Карпов, всё познаваемое мы оцениваем с точки зрения истины, «которой никогда не приобретали», а поступки измеряем понятием добра, «которого никогда не видывали». Так что в этом отношении, говорит Карпов, каждый человек — по природе своей метафизик. «Истина и добро так реальны, что даже умышленная ложь старается облекаться в формы правды, чтобы скрыть обман, и задуманное коварство прячется под маской доброжелательства, чтобы удобнее достигнуть своей цели»⁶.

Главным действующим лицом нашего сознания, по Карпову, является рассудок, который старается согласовать впечатления ума и чувства под общей формой бытия. Чувство даёт впечатление того, что «здесь и сейчас», ум — того, что вечно, бесконечно, взаимное ограничение двух видов впечатлений даёт формы пространства и времени. И рассудок всё мыслит под условием этих двух форм. Рассудок, по Карпову, не познаёт сущности вещей, но представляет в каком-либо образе бескачественную субстанцию и открывает признаки, характеризующие её пребывание в данном образе. Деятельность рассудка подчинена определённым законам, которые также сформировались под воздействием ума и чувства.

Человек, замечает Карпов, смотря на мир с точки зрения неизменяемой своей природы, в нём, естественно, ищет неизменяемого. Но его встречает пространство и время со множеством изменяемых форм, и потому истина и добро раздробляются для него на множество умственных и нравственных начал.

Третий предмет внутреннего опыта — сфера наших желаний, воля. От того, как настроена воля человека, зависит направление его желаний, будут ли они выражением духовных требований его природы или нет. Карпов придаёт особое значение воле, поскольку конечную цель всякого теоретического познания видит в его практическом применении, а это зависит от воли человека. Теоретический ум

без практического (прежде всего нравственного) употребления, по мысли Карпова, подобен хорошо удобренному, но не засеянному семенами полю⁷. В своей оценке значения воли Карпов разделяет позиции других представителей духовно-академической философии: арх. Иннокентия (Борисова), Ф. А. Голубинского⁸.

Значение изучения человека в рамках его социального бытия. Внутренний опыт, открывающий невидимую сторону человека, должен, по мнению Карпова, послужить основанием для внешнего опыта изучения человека. Самым важным аспектом этого изучения является, как полагает Карпов, опыт гражданский — наблюдение человека в рамках социальной жизни. Взаимоотношения людей в обществе Карпов делит на три категории: отношения подчинённых к начальствующим, равных к равным и начальствующих к подчинённым. Для первой категории отношений, по мнению Карпова, познание человека в социальном аспекте не является профессиональной обязанностью и необходимой потребностью, а может быть даже и вредным, если человек будет заниматься этим, не исполняя возложенных на него задач и обязанностей. «Дитя худо воспитывается, — замечает Карпов, — если лучше знает недостатки своего наставника, чем содержание преподаваемого им урока»⁹. «Сколько молодых людей, — пишет он в другой работе, — которые судят обо всём, как будто держат в своих руках судьбу человечества, взвешивают справедливость общественных постановлений, строго и решительно определяют достоинство лиц и поступков, а сами и в тесной сфере деятельности, в которую поставлены применительно к их силам и поступкам, не видят того, что должны делать, и часто даже не понимают, что делают худо»¹⁰. Рассматривая вторую категорию отношений, Карпов выступает с критикой западноевропейских концепций «социального атомизма», которые полагают, что общество равных подобно торговой площади и скрепляется только материальными нуждами людей. В обществе, замечает Карпов, между людьми существуют невидимые нравственные связи сообразно умственным интересам, направленности воли, склонности сердца каждого члена общества. Они оказываются не менее крепкими, чем связи по материальным потребностям. Люди, как пишет Карпов, «связываются между собою уважением, любовью и сочувствием»¹¹. И здесь человек имеет все основания в изучении умственных, нравственных и эстетических особенностей других людей с тем, чтобы ставить себя в надлежащие отношения к другим людям и избирать верные нравственные ориентиры и образцы. Таким образом, Карпов предполагает в обществе естественную социальную дифференциацию, имеющую культурно-нравственное основание. Что касается третьей категории социальных отношений, то для начальствующих, как «воспитателей, строителей и судей гражданского тела», наличие внешнего опыта изучения людей, по Карпову, является обязательным, так как в компетенцию начальствующих входит подбор кадров для различных видов общественной деятельности. Особенно важно это, по мнению Карпова, в сфере образования, потому что от того, какие общие начала, благотворные или нет, будут заложены в личностях воспитуемых, зависит будущее страны. Зависит, какие будут администраторы, военачальники, судьи. Подбирая себе подчинённых, они будут руководствоваться теми началами, которые в них заложены.

Проблемы, возникающие при познании человека. Значение его социокультурного бытия. В своей концепции философского познания человека Карпов также анализирует трудности и проблемы этого вида познания. Он подчёркивает приоритет опытного познания человека: от фактов внутреннего опыта к общим заключениям — с тем, чтобы выявить невидимую сторону природы человека, а не начинать с метафизической идеи души с заданными свойствами, так как из неверно взятой идеи последуют неверные заключения о природе души. При этом Карпов полагает, что психология должна прийти до познания объективной человеческой природы, такой, какова она независимо от мнений людей есть в каждом человеке. На основе этого знания психология и должна указать норму человеческого бытия. «Пусть наука о душе раскроет перед нами, сколько может, самое существо души: мы тотчас уразумеем, чего она хочет, без труда определим, такова ли наша жизнь, какой она требует, легко усмотрим правильность или неправильность наших отношений к Богу, природе и человечеству»¹². Следует отметить, что в философской антропологии Карпова не возникает проблема, каким образом эмпирическое познание может открыть общечеловеческую природу и норму человеческого бытия, потому что Карпов принципиально отличает внешний опыт видимого и единичного от внутреннего опыта самопознания, открывающего, по его мнению, как условия внешнего опыта, так и «универсальную» для каждого человека сверхчувственную реальность.

Проблему Карпов усматривает в возможности неполного познания человека, которое в усечённом, следовательно, неверном виде представит его природу. Карпов проникательно замечает, что существующие в том или ином обществе нравы, обычаи, занятия и т.д. воспринимаются членами этого общества как соответствующие «коренным условиям человеческого существования», как норма человеческого бытия, с позиции которой оцениваются другие люди. В этой связи Карпов обращается к теме социокультурного бытия человека, рассматривая вопрос, как это бытие соотносится с общечеловеческой природой. Человек как предмет изучения предстаёт перед философом не иначе как «под бесконечно-различными типами национального бытия». Социокультурное бытие человека формируется извне обычаями и законами государства, изнутри — «духом веры». В многообразии «народных субъектов» Карпов не видит ничего неестественного для природы человека, так как общие идеи человеческого духа в конкретной культурно-исторической жизни выражаются и в частных понятиях. «Идея истины и добра — везде одна; но понятия, в которых она воплощается, всегда бывают оттенены чертами народной веры, государственных учреждений, местных обычаев и проч.»¹³ Но при этом Карпов не считает, что человеческая природа полностью «растворяется» в народных субъектах. Из его высказываний можно сделать вывод, что культурно-историческое бытие призвано наиболее полно удовлетворить истинные потребности реальной общечеловеческой природы. Поэтому Карпов выделяет в психологии наряду с другими две такие задачи: познание истинной природы человека и изучение психического строя народного субъекта с тем, чтобы через частные понятия последнего «последовательно улучшить, возвысить и облагородить» формы жизни народа до соответствия истинной природе человека. Основой для формирования человека, по мнению

Карпова, должно быть внимание к внутренним требованиям его природы, а не просто образцы, предлагаемые принятыми обычаями, духом времени, направлением общества, которые, как замечает Карпов, формировали и Неронов, и Тамерланов, и Робеспьеров.

Другая проблема связана с тем, что путь познания человека может осуществляться только через самопознание конкретной личности. Человек может частные понятия, сформулированные на основе воспитания, привычек, склонностей, страстей, принять за выражение человеческой природы как таковой.

Эти два фактора: влияние культурно-исторического бытия и духовно-нравственного состояния на процесс самопознания, — по мысли Карпова, являются причиной того, почему наука о человеке не развивается так, как естествознание. Субъект познания оказывается разным в разные времена. Карпов выделяет в истории два типа эпох: «счастливые» для самопознания и «печальные». В первые эпохи человеческая природа ярко проявляет себя в людях с «сильным умом, доброй волей, любящим сердцем». Их самопознание глубже и полнее. Оно позволяет увидеть, «как в душе соединяется конечное с бесконечным, условное с безусловным, как человек велик и вместе мал, силен и вместе слаб, как внятен его природе голос Существа Высочайшего и как злоупотреблением своей свободы может он заглушать его»¹⁴. Иными словами, в такие эпохи человек может увидеть возможную полноту своей природы и на фоне этой полноты увидеть свои несовершенства, всё то, что мешает осуществиться этой полноте. В «печальные» эпохи люди, по словам Карпова, «мельчают». Слабеют созерцания ума, сердечная любовь, «поддерживаемая только искусственной теплотой житейских расчётов и интересов». Ум привыкает руководствоваться только внешними чувственными побуждениями, и человек начинает связывать все свои мысли, надежды только с материальным, земным. Такое состояние, по мысли Карпова, провоцирует и усиленное развитие техники. «Нет ничего удивительного, что ум, сосредоточив всю свою деятельность вне себя — в пределах земли, по самой этой сосредоточенности может производить многое и удивительное в отношении к земле — к тому, что вне его»¹⁵. Но сама душа человека окажется тёмной для него. Нужно сказать, что эти предостерегающие утверждения Карпова не были единичными, его опасения относительно замечаемой в обществе тенденции к преклонению только перед «полезным» естественно-научным и техническим знанием разделяли и другие русские мыслители того времени. Об этом же с огорчением писал современник Карпова Константин Аксаков в работе «О современном человеке»: «Деятельность человека устремилась на разработку средств, а не того, чему служат эти средства, что должно ими пользоваться»¹⁶. Устремив все свои силы и свою любовь на средства, человек, по мысли Аксакова, потерял то, ради чего эти средства добываются, — «внутреннего себя». Об опасности одностороннего развития технических средств указывал также другой представитель духовно-академической философии П. Д. Юркевич, обращая внимание на то, как эта тенденция может отражаться на образовании и к каким это может привести последствиям. Если в образовании всё внимание будет уделяться только приобретению «полезных» знаний, которые могут послужить средством для удовлетворения

нужд и запросов человека, сами желания человека, его цели останутся «неблаго-роженными воспитанием» и будут «навязываться нам грубым механизмом личных склонностей и останутся без обработки в этом первоначальном виде»¹⁷. Иными словами, человек, улучшая средства, не будет улучшать себя самого так, чтобы его запросы и желания соответствовали потребностям и достоинству человеческой природы.

Живя только чувственными побуждениями¹⁸, человек, как полагает Карпов, и науку самопознания ограничит пределами животной жизни, не видя в себе ничего отличного от души животных, кроме своего эгоистического «Я». В такие эпохи человек будет желать от науки самопознания (в терминологии Карпова это философская антропология), чтобы она «узаконила его порочные наклонности, разнуздавала волю», признала самозаконодательным его разум, чтобы наука служила исключительно стремлениям и выгодам внешней его жизни. Таким образом, по Карпову, наука о человеке и степень познания человека зависят от духовно-нравственного состояния самого исследователя и всего общества. При упадке нравственности взгляд на человеческую природу будет грубо материален, и если ему придадут правильную логическую форму, то такое учение будет провозглашено «удовлетворяющим требованиям современного прогресса», а несогласные с ним — рутинёрами. Мысль Карпова, что успешность познания человеком его подлинной природы для достижения совершенства напрямую зависит от его духовно-нравственного состояния, во многом созвучна взглядам его современника И. В. Киреевского. Он полагал, что духовное просвещение, в отличие от логического и чувственно-опытного, «приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в уме одну наружность своей формы»¹⁹. Ложность представлений о человеке в «печальные» эпохи, по Карпову, заключается в том, что они дают усечённое понимание человека и поэтому не могут удовлетворительно объяснить такие его проявления, как самопожертвование, неудовлетворённость земными благами, ощущение бессмертия своей души, стремление к бессмертию, религиозные и нравственные чувства. Поэтому концепции человека, основанные на таких неполных представлениях о нём, не решают важных для каждого человека вопросов, «возбуждаемых духовными требованиями человека», которые, как полагает Карпов, «всегда есть, которые преследуют его даже на путях крайней оземленелости и от решения которых он отказаться не в состоянии»²⁰.

Вывод Карпова: чтобы говорить о человеке вообще, следует вначале просветить в духовно-нравственном отношении для сознания свою собственную душу. Это он называет практическим самопознанием в отличие от теоретического — науки о человеке. Теоретическое самопознание без практического может быть далёким от реальности, дать или усечённое, или идеализированное представление о человеке. Практическое просвещение — Карпов здесь говорит, очевидно, опираясь на собственный опыт, — вначале откроет человеку видение своих дурных черт, наклонностей, желаний, и при борьбе с ними — бессилие самостоятельно освободиться от своих недостатков. Далее Карпов говорит как христианский мыслитель: это покаянное состояние сделает возможным просвещение от Бога, открывающее человеку его подлинную природу, «норму» человеческого бытия и его отклонение от неё.

В этом отношении, по Карпову, настоящими психологами и антропологами были великие христианские подвижники, которые «внимательно следили за самыми тайными своими чувствованиями и желаниями и силою Божией благодати, призываемой молитвами и самоотвержением, прозорливо предотвращали даже малейшее попятное движение своей природы к нарушению небесной правды, внушаемой начертанным в человеке законом духа и гласно проповедуемой в слове Божиим»²¹. В христианском просвещении, как считает Карпов, «свет разумности оживотворился теплотою сердца, а теплота сердца умудрилась светом разумности, и обе эти стихии сделались единым параллельным органом Христовой Веры»²². Это свойство, а именно взаимосвязанное развитие ума и сердца как органов веры, как считает Карпов, сохранилось и в «народном нашем духе». И это должно быть положено в основание нашей национальной философии, чтобы она «практическое наше любомудрие» выразила в «теоретическом построении науки», науки о человеке и философии, которой наука о человеке призвана служить основанием.

Заключение. Итак, на основе изложенного можно сделать вывод, что в своей философской антропологии Карпов считает важным изучение социального и культурного бытия человека. Подобные знания могут быть полезны для более эффективной организации социальной жизни и для гармонизации процессов социальной дифференциации и коммуникации.

Особенностью позиции Карпова является уверенность в объективной реальности не только физиологической, но и духовной составляющей природы человека, которая также имеет свои потребности, аналогичные физическим потребностям. Задача социальных институтов и культуры, по мысли Карпова, состоит в том, чтобы создать, по возможности, благоприятные условия для удовлетворения духовных потребностей человека, запросов ума и сердца. По мнению Карпова, традиционная отечественная культура выгодно отличается тем, что гармонично развивает ум и сердце, так, что они не поглощаются друг другом и вместе с тем не разделяют своих интересов. Точка зрения Карпова подтверждается замечанием известного историка русской философии В. В. Зеньковского, что одним из главных вдохновений русской философской мысли было стремление к «неразрывности отвлечённой мысли и жизни», к «целостности», синтетическому единству всех движений человеческого духа²³. Можно сказать, что это стремление русские мыслители усваивали из основных интенций традиционной русской культуры.

В своей философской антропологии Карпов затрагивает ещё один важный аспект: зависимость образа человека и познания человеческой природы от нравственного уровня социальной жизни. Низкий уровень нравственности, культ материальных благ в ущерб духовным, не дают вполне познать человеческую природу (её духовное измерение), порождают в социуме усечённый, неполноценный идеал человека²⁴. Следуя этому идеалу, человек не заботится о духовных запросах своей природы. Но оставленные без внимания эти запросы не исчезают, тревожат человека, а сформированный образ человека не способен объяснить и разрешить их. Воззрения Карпова в данном случае оказываются близкими взглядам его современников-славянофилов, в частности И. В. Киреевского и К. Аксакова. Примечательно,

что все они предупреждают об опасности одностороннего технического прогресса при забвении о духовном совершенствовании человека. По мнению Карпова, такое одностороннее социальное развитие является следствием неверного, усечённого понимания человеческой природы.

¹ Цык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 63.

² Как верно замечает Фритzsche, Карпов разрабатывал именно философскую антропологию, которую он согласно со словоупотреблением того времени называл психологией. (*Fritzsche A. Philosophieren als Christ. Zur russischen «geistlichen» Philosophie am Beispiel V. N. Karpov. Münster, 1987. P. 206.*)

³ Карпов В. Н. Введение в философию // Карпов В. Н. Избранное. СПб., 2004. С. 161.

⁴ Несмелов В. И. Наука о человеке. В 2 т. Казань: Заря-Тан, 1994. Т. 1. С. 12.

⁵ В духовно-академической философии опытная психология наряду с физиологией рассматривались как части антропологии.

⁶ Карпов В. Н. Систематическое изложение логики. М., 2011. С. 257.

⁷ Карпов В. Н. Философский рационализм новейшего времени // Христианское чтение. 1860. Ч. 2. С. 506.

⁸ Голубинский отмечал в своих лекциях: «...высшее совершенство, представляющееся в существах, есть благость воли, которая предполагает добрые цели для нравственного действия. Одна мудрость, взятая в отдельности от совершенств воли, может служить средством к достижению целей недобрых или непопулярных...» (*Голубинский Ф. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб., 2006. С. 211.*)

⁹ Карпов В. Н. Систематическое изложение логики. С. 240.

¹⁰ Карпов В. Н. Философский рационализм новейшего времени. С. 477.

¹¹ Карпов В. Н. Систематическое изложение логики. С. 241.

¹² Карпов В. Н. Вступительная лекция в психологию // Карпов В. Н. Избранное. С. 237.

¹³ Карпов В. Н. Систематическое изложение логики. С. 262.

¹⁴ Карпов В. Н. О самопознании // Карпов В. Н. Избранное. С. 266.

¹⁵ Там же. С. 267.

¹⁶ Аксаков К. С. О современном человеке // Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 418 etc.

¹⁷ Юркевич П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Философские произведения. М., 1990. С. 525.

¹⁸ Примечательно, что Карпов в качестве главного признака «печальных» эпох указывает «жизнь только чувством и для чувства». Именно этот признак стал ключевым при выделении так называемых идеациональных и чувственных культур у Питирима Сорокина, увидевшего такую тенденцию к чувственности в европейской цивилизации, ведущую, по мнению Сорокина, к её деградации. Как социолог, он постарался обосновать своё видение культурной динамики на основе обширного статистического материала. См.: *Сорокин П. Культурная и социальная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. С. 40–64, 726–727.*

¹⁹ Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика. М., 2002. С. 270.

²⁰ Карпов В. Н. О самопознании // Карпов В. Н. Избранное. С. 277.

²¹ Там же. С. 263.

²² *Картов В. Н.* Введение в историю философии в мире христианском. Цит. по: *Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: Киевская и Петербургская школы (Новые материалы) М.: ИФ РАН, 2005. С. 99.

²³ *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 17.

²⁴ В современной философской антропологии подчёркивается влияние формируемого в культуре, философии, науке образа человека на социальную жизнь. Как отмечает В. Шюсслер, человек всегда фактически старается стать таким, каков предлагаемый ему идеальный образ «истинного бытия» человека. (Philosophische Anthropologie. Schüssler W. (Hrsg.). Freiburg, 2000, Einleitung, P. 14.)